

УДК 930.1

Е. Н. КотусевУчреждение образования «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы»,
ул. Октябрьская, 5, 230023 Гродно, Республика Беларусь +375 (29) 881 73 58, evgenii.kotusev@mail.ru**ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ ИДЕИ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОЛониСТИКИ
И ИХ ПРЕЛОМЛЕНИЕ В ТВОРЧЕСТВЕ Н. Н. ЛЮБОВИЧА**

Н. Н. Любович сохранил в своих оценочных позициях ряд фундаментальных положений российской консервативной историографии. В контексте фундаментальных идей российской исторической полонистики рассмотрена основная проблематика исторической полонистики Н. Н. Любовича: Реформация и Контрреформация в Польше, характер противостояния германского мира и славянства (в том числе и Польши), цивилизационное противостояние православного славянства и католической Польши, западнорусские земли в составе польско-литовского государства. Оценочные позиции ученого в комплексе проблем этой тематики весьма разнообразны и порой противоречивы.

Ключевые слова: фундаментальные идеи; историография; Н. Н. Любович; Реформация; Контрреформация; средневековье; Новое время; Центральная Европа; польский вопрос; историческая полонистика.

Библиогр.: 60 назв.

E. N. Kotusev Educational institution “Yanka Kupala State University of Grodno”, 5 October Str., 230023 Grodno,
the Republic of Belarus, +375 (29) 881 73 58, evgenii.kotusev@mail.ru**FUNDAMENTAL IDEAS OF RUSSIAN HISTORICAL POLONISTICS
AND THEIR REFRACTION IN THE WORKS OF N. N. LYUBOVICH**

N. N. Lyubovich retained a number of fundamental provisions of Russian conservative historiography in his judgments. The main problems of historical Polish studies are considered by N. N. Lyubovich in the context of the fundamental ideas of Russian historical Polish studies: Reformation and Counter-reformation in Poland, the nature of the confrontation between the German world and the Slavs (including Poland), the civilizational confrontation between the Orthodox Slavs and Catholic Poland, the Western Russian lands as a part of the Polish-Lithuanian state. The evaluative positions of the scientist in the complex of problems of this topic are very diverse and sometimes contradictory.

Key words: fundamental ideas; historiography; N. N. Lyubovich; Reformation; Counter-reformation; medieval studies; modern times; Central Europe; the Polish question; historical polonistics.

Ref.: 60 titles.

Введение. Польский вопрос играл весомую роль в политической и общественной жизни России как в контексте внутренней политики империи, так и в системе международных отношений исследуемого периода. Временами он приобретал особую остроту «рокового вопроса» российской государственности. Развитие российской полонистики на протяжении XIX — начала XX века показывает тесную взаимосвязь восприятия польского вопроса (широко понимаемого как историческая, культурологическая и политологическая составляющая) и истории Польши русским обществом и отражением этого процесса в трудах по данной тематике [1, с. 218]. Исходя из этого одними из основных проблем в российской исторической науке XIX — начала XX века стали вопросы исследований, связанные с историей Польши. Для такого интереса к польской истории существовал ряд причин.

Во-первых, осуществлявшаяся в течение нескольких веков политика «собирания русских земель» под властью Москвы была противостоянием польско-литовской государственности и должна была получить веское историческое обоснование. Во-вторых, в конце XVIII — начале XIX века значительная часть польских земель была присоединена к Российской империи. В-третьих, высокая активность населения бывшей Речи Посполитой, в том числе направленная на возвращение независимости, сильно влияла на формирование общественного интереса к польской проблематике.

Существовал политический «заказ» со стороны правительства Российской империи, нуждающегося в историко-идеологическом обосновании российской политики в отношении Польши — Речи Посполитой. Эта задача не могла быть решена без глубокой интеллектуальной и идеологической проработки исторического материала и создания согласованного с основополагающими принципами исторического жанра российской версии истории Польши и ее отношений с русским православным миром. Результатом этого стало создание политизированной, идеологически выверенной в своих основных проявлениях, российской консервативной традиции восприятия истории Польши. Это подтверждается официальной линией царского правительства в отношении Польши, неоднократно представленной в научной литературе предмета [1, с. 219].

Подтверждается этот факт и тем обстоятельством, что в значительной своей части ряд консервативных историков (которые поддерживали и обосновывали официальную позицию) занимали высокие официальные должности. Так, генералами закончили службу А. К. Пузыревский, П. А. Гейсман, Н. Н. Сухотин и др.; высокие гражданские должности занимали или заняли впоследствии Н. М. Карамзин, Н. Г. Устрялов, М. П. Погодин, Д. И. Иловайский, Н. К. Шильдер, а также либералы-западники С. М. Соловьев, В. О. Ключевский и др., в то время как у историков-полонофилов наблюдались проблемы с научной и служебной карьерой (Н. И. Кареев, А. Л. Погодин) [1, с. 219].

Материалы и методы исследования. Теоретико-методологические основы статьи опираются на основополагающие принципы и методы научного исследования с учетом специфики историографической работы (например, метод перспективного анализа). В качестве объекта проведенного исследования выступает российская историография рассматриваемого периода. Предметом исследования являются фундаментальные идеи российской исторической полонистики и их отображение в научном наследии российского историка Н. Н. Любовича, одного из наиболее крупных историков-полонистов Российской империи, известного либерального ученого, профессора Варшавского университета.

Автор для передачи специфики оценочных подходов Н. Н. Любовича, как и российской науки рассматриваемого периода в целом, использует названия государственной принадлежности территорий, употребляемые в дореволюционной историографии. Польша и ВКЛ после Кревской унии, а в дальнейшем и Речь Посполитая определялись в ней как польско-литовская государственность или (чаще всего) как «Польша». Территории современных Беларуси и Украины понимались в ней как «западнорусские земли».

Результаты исследования и их обсуждение. По своим взглядам исторических исследователей Российской империи того периода традиционно разделяют на два идеологических направления. Основным критерием для такого разделения считают взгляды исследователей того периода на историческое развитие России. Первое направление получило название «славянофильского», которое впоследствии вылилось в консервативное направление; второе — «западническое», которое преобразовалось в либеральное направление. Подобное разделение не минуло и полонистику. В процессе своего развития в рамках каждого направления сложился ряд идей, характерных для всех представителей этих направлений. Впоследствии исследователи, изучавшие историческое наследие представителей каждого направления, в своих исследованиях обращали внимание на такие идеи и предпринимали попытки их систематизировать.

Традиционно считается, что в русской исторической науке первой половины XIX века преобладало консервативно-славянофильское течение, а во второй половине XIX — начале XX века — либерально-западническая идеология [2—11]. Но следует отметить, что в российской исторической полонистике второй половины XIX — начала XX века, в отличие от российской историографии в целом, консервативное направление сохранило доминирующие позиции [1, с. 219]. Переломным моментом являлись 1880-е годы, когда появляется и усиливается полонистика либерально-западной направленности. Но, как показывает историографический анализ, она не стала доминирующей в российской исторической науке [1, с. 220].

Консервативно-славянофильское течение в российской исторической полонистике второй половины XIX — начала XX века сохранило ряд основополагающих положений своих предшественников: об ошибочности западного выбора Польши, сугубо отрицательной роли католичества, однозначно негативной оценке шляхетского общественного устройства. Однако, как показывает изучение российской исторической полонистики, положение об отказе либеральной историографии с 1880-х годов XIX века от фундаментальных основ своих предшественников не совсем точно. Она сохранила ряд славянофильских тезисов: об отдельной исторической миссии России и Польши, о неизбежности гибели Польши в противостоянии с Россией, о западнорусских землях как исключительно части единой православной России, об ущербности шляхетского устройства и т. д. [1, с. 221]. Исходя из таких предпосылок, российско-польское противостояние рассматривалось в российской историографической традиции как борьба различных «миров» или цивилизаций, что хорошо прослеживается в трудах основных историков консервативно-славянофильского течения (М. О. Коялович, Д. И. Иловайский и др.).

История Польши в силу ряда оговариваемых причин и обстоятельств была столь специфической проблематикой, что нарушала существующие идейно-политические и культурно-ментальные разделы, строго существующие в российском обществе и научной мысли. Это обусловило следующую особенность российской исторической полонистики: приращение знаний об истории Польши в XIX — начале XX века не повлияло существенно на ее основные общие оценочные (фундаментальные) идеи [1, с. 229].

Следует отметить, что первые попытки общей характеристики российской исторической полонистики XIX — начала XX века были предприняты еще исследователями изучаемого периода, например, М. О. Кояловичем [12] и П. Н. Милюковым [13], а также в советское время [2; 3; 14]. Но в связи с политико-идеологическими обстоятельствами они в основном ограничивались рассмотрением тематики исторической полонистики или ее периодизации [1, с. 18].

Кроме русскоязычной историографии данной тематикой занимались исследователи других государств, в первую очередь Польской Народной Республики. Так, например, М. Серейски в рамках своего историографического исследования о причинах падения Речи Посполитой поставил вопрос об особых чертах русской исторической полонистики, выделив ряд ее основополагающих принципов [15]. На данный момент многие положения М. Серейского были приняты современной русскоязычной историографией.

Активное изучение русской исторической полонистики продолжилось в 1980—1990-е годы. На современном этапе исследований общие оценочные подходы российской исторической науки изучаемого периода в полонистике рассматриваются как ее фундаментальные (основополагающие) идеи. Само понятие «фундаментальные идеи» в русскоязычной полонистике было выдвинуто российским исследователем В. А. Якубским, в одноименной статье в 2000 году [16]. Историограф определил общие оценочные подходы российской исторической науки к исторической полонистике как ее фундаментальные идеи [16, с. 11—12]. «Воззрения русских ученых XIX века на польскую историю абсолютно не поддаются, — писал В. А. Якубский, — строгой раскладке по признаку прогрессивности или реакционности носителей этих воззрений. Разброс мнений по поводу польского прошлого и управляющих им закономер-

ностей не так велик. На почве полонистики отчасти стиралась грань между славянофилом и западником» [16, с. 11].

Кроме того, В. А. Якубский подчеркивал связь между теоретико-методологическими основами изучения истории и общественно-политическим процессом. «Российские полонисты испытали влияние гегельянства и других западных идей, многое подчеркнув у И. Лелевеля <...> тем не менее, окрасили собственные построения в сугубо национальные цвета» [16, с. 11—12]. Советское славяноведение только ужесточило этот подход. Впоследствии, по его мнению, позитивисты (Н. И. Кареев, Н. Н. Любич) предпочли отмежеваться от этих фундаментальных идей [16, с. 12].

Одной из самых главных идей в российской исторической полонистике В. А. Якубский называет принцип векового противостояния Польши и России: «На авансцену у них вышел тезис о вековом противостоянии России и Польши, причем исторический путь последней был с редким единодушием признан аморальным, несущим беды славянскому миру» [16, с. 11—12]. «Эти идеи, — делал заключение В. А. Якубский, — являются фундаментальными» [16, с. 12].

Однако В. А. Якубский, отмечает В. В. Кутявин, не был первым исследователем российской полонистики, который отметил эти закономерности и особые черты в историографическом исследовании истории Польши. Так, В. В. Кутявин пишет [17, с. 143], что одни из первых попыток выделить «фундаментальные» идеи появляются в исследованиях Т. Т. Кручковского [18—20]. Соглашаясь с мнением В. А. Якубского, В. В. Кутявин считает, что часть этих фундаментальных идей была подмечена еще раньше. В частности, он писал: «Чрезвычайно важно замечание Т. Т. Кручковского [18, с. 80] о том, что при обращении к польской проблематике размывались четкие границы между либералами и консерваторами» [17, с. 143].

К подобному выводу склоняется, отмечал далее В. В. Кутявин, и В. А. Якубский, приводя в качестве доказательства его тезис о стирании отчасти на почве полонистики грани между славянофилом и западником [17, с. 143]. Соглашаясь с этим мнением, Н. В. Пислегин отмечает, что существовала близость позиций консерваторов и либералов по польской тематике [21]. По мнению В. В. Кутявина, фундаментальные идеи российской полонистики окончательно оформились в 1860-х годах и стали концептуальной базой для последующей историографии [17, с. 138].

К этим выводам В. В. Кутявина добавлено мнение Т. Т. Кручковского о том, что отдельные тезисы этих фундаментальных положений появились еще в советской период [1, с. 219], он отмечает в этом отношении оценочные положения В. А. Дьякова [22] и С. М. Стецкевича [23]. Отдельные положения В. А. Дьякова и С. М. Стецкевича об особых чертах и условиях развития российской исторической полонистики приводятся в отдельной статье Т. Т. Кручковского [24].

В целом тезисы Т. Т. Кручковского об основополагающих положениях совпадают с «фундаментальными» идеями В. А. Якубского, но затрагивают больше сторон закономерностей и особенностей историографического исследования истории Польши. К тому же эти основополагающие положения были сформированы раньше в исследованиях 1992—1994 годов [18; 25—27]. Так, Т. Т. Кручковский, как и В. А. Якубский, выдвигал еще в работах начала 90-х годов как одно их основополагающих российской исторической науки независимо от ее направлений положение о вековом противостоянии России и Польши на протяжении всего существования этих государств [18; 25—27].

Т. Т. Кручковский также отмечает наличие в основополагающих положениях российской историографии концепции неправильности цивилизационного пути, выбранного Польским государством еще в X веке. Для подтверждения этого тезиса он приводит ряд примеров. У большинства российских историков (в том числе и либерально-западной направленности) отмечается, что западный выбор Польши был аморальным и несущим беды всем славянским народам, а принятие католичества несло исключительно отрицательную роль для последующего развития самой славянской Польши [26]. В итоге, по мнению ряда историков XIX — начала XX века, Польша стала изгоем среди славянских народов [26].

К таким же основополагающим положениям российской исторической полонистики, по его мнению, относится идея о Речи Посполитой как уникальном в общественно-политическом плане, но нежизнеспособном историческом явлении. Из этой идеи российские историки выводили мысль о неизбежной победе России в многовековой цивилизационной и идеологической борьбе с Польшей [27].

В вопросе о западнорусских землях (современных белорусских и украинских) российская историография (здесь едины либералы и консерваторы) исходила из тезиса об исключительной прерогативе московского православного влияния. Мысль о возможности федеративного вхождения этих земель в состав Речи Посполитой (за исключением Ф. М. Уманца) или их самостоятельного развития (Беларуси и Украины) решительно отвергалась [1, с. 229].

Оценочные основополагающие положения русской исторической полонистики, носящие сугубо консервативно-национальный характер (без использования термина «фундаментальные идеи»), были представлены Т. Т. Кручковским еще в его работах начала 90-х годов [25—27]. Эти фундаментальные (основополагающие) идеи российской исторической полонистики, по мнению Т. Т. Кручковского, имели антизападный и консервативно-национальный характер: о вековом противостоянии России и Польши, о западном цивилизационном пути Польши, несущем беды славянскому миру и самой Польше, о восприятии Польши как изгоя славянского мира по причине ее западного цивилизационного выбора еще в раннем средневековье, о Речи Посполитой как уникальной, но нежизнеспособной политической структуре.

Такая общая ситуация относительно российской исторической полонистики не могла способствовать объективному историческому познанию. Это отражалось и на характере подачи материала. Стиль изложения исторической полонистики часто далек от академического: допускались российскими историками эмоциональные оценки, разного рода пренебрежительные пассажи и замечания, позволялось вольное цитирование и толкование источников, исходя из политической целесообразности и т. д. По этой причине оценки были часто категоричны, имели часто публицистический характер [1, с. 230].

Таким образом, Т. Т. Кручковский являлся во многом родоначальником определения закономерностей и особенностей российской исторической полонистики XIX — начала XX века. Он поддержал дефиницию выделения основополагающих фундаментальных идей российской полонистики исследуемого периода (приняв терминологию их как фундаментальных или основополагающих идей) и впоследствии дополнил их следующими положениями: «о неизбежной победе России в вековом цивилизационном противостоянии с Польшей; о сугубо отрицательной роли католичества в истории Польши; о том, что западнорусские земли (территории современных Беларуси и Украины) признавались только частью единой православной России и не могли интегрироваться с Польшей в составе Речи Посполитой или существовать в качестве самостоятельных государственных образований» [1, с. 219—220].

К тому же в своих многочисленных историографических исследованиях Т. Т. Кручковский показал преломление этих фундаментальных (основополагающих) идей как на общих оценочных подходах российской исторической полонистики [1; 18—20; 24—30], так и на примере наиболее крупных представителей российской историографии, таких как Н. М. Карамзин [31; 32], С. М. Соловьев [33; 34], В. О. Ключевский [35—37], Н. И. Кареев и др. [38—41].

Однако в современной российской историографии предмета исследований [5—10; 16; 42; 43] эти положения Т. Т. Кручковского не упоминались (вероятно, по причине тогда малодоступности этих трудов гродненского историка, хотя часть их была опубликована в Москве) [18; 25; 26]. Возможно также, что это было по причине несовпадения взглядов по ряду принципиальных позиций: в первую очередь резкого акцентирования Т. Т. Кручковским полонофобских и антизападных позиций (в отношении истории Польши) в русской исторической полонистике независимо от ее теоретико-методологических и общественно-политических направлений. Только в исследованиях В. В. Кутявина было отдано должное первенству ряду научных приоритетов в определении и исследовании заявленной тематики Т. Т. Кручковским [17; 44; 45].

Следует отметить зависимость российской исторической полонистики разных направлений от консервативных и славянофильских идей, особенно при рассмотрении истории российско-польского противостояния, которое во многом интерпретировалось как цивилизационное противостояние или как религиозная война. Хотя в русской отечественной историографии и славяноведении в идейно-политическом плане преобладали сторонники славянофильства, а в среде исследователей всеобщей истории — сторонники западного либерализма, однако их общие подходы к истории Польши довольно близки. Либерально-прозападные взгляды К. Д. Кавелина, В. И. Герье, С. М. Соловьева сочетались с антиполонизмом [1, с. 220]. В российской исторической полонистике, писал еще ранее Т. Т. Кручковский, размывались четкие границы между либералами и консерваторами, «стиралась грань между славянофилом и западником» [18, с. 80]. Либеральным историкам, даже видным полонофилам, свойственно было великодержавное мышление [1, с. 220].

Указанные общественно-политические условия и теоретико-методологические рамки российской исторической науки привели к ситуации, по мнению Т. Т. Кручковского, когда изучение истории польского народа стало делом преимущественно тех, кто стоял на позициях славянофильства в широком понимании этой дефиниции. Это обусловило идеологическую окраску научных работ. История славян, прежде всего польская, рассматривалась с великодержавных позиций, принадлежность к славянству сочеталась с принадлежностью к православию [1, с. 220].

Так, Л. М. Аржакова отмечает ряд этих же идей, характерных для большинства исторических исследований периода XIX — начала XX века [5—7; 42; 43]. Она говорит о том, что все историки, кто писал о Польше, преимущественно изучали тематику польско-русских отношений, при этом трактуя их в великодержавном духе [43, с. 45].

Получается, делает заключение В. В. Кутявин, что русская историография в своем отношении к польской проблематике выражала только «русский», т. е. разделяемый самыми широкими общественными кругами взгляд на Польшу, ее историческую судьбу, ее будущее [17, с. 143]. «Долгое время многие интеллектуалы (особенно в России), — продолжает он, — уступали исследованию проблем, связанных с нацией, патриотизмом и т. п., мистификаторам консервативной ориентации» [45, с. 56]. «Полонофобия уже с XIX века, — утверждает В. В. Кутявин, — становится неотъемлемым элементом русской культурной и политической традиции [46, с. 414]. По определению Д. В. Карнаухова, в русской, точнее русскоязычной, научной литературе имперского (дореволюционного) периода интерес к истории Польши, польской историографии в значительной мере подогревался славянофильскими устремлениями авторов [47, с. 7].

Все это привело к формированию негативных стереотипов восприятия польской тематики, которые утвердились в культурно-историческом сознании русских, нашли отражение в деятельности не только историков, но и интеллектуалов, представляющих различные отрасли гуманитарного знания, а также творческой интеллигенции XIX—XX веков [1, с. 20]. Утверждается, что подобной была ситуация и у польской стороны. По мнению Д. В. Карнаухова, это были «полоноцентристские» подходы как к освещению русской истории в целом, так и к интерпретации ключевых событий политической и культурной истории Руси и ее отношений с соседними государствами и народами [47, с. 3].

Л. М. Аржакова отмечает, что историки придерживались мнения, что Речь Посполитая была нежизнеспособным явлением, поэтому в действиях России по ликвидации Речи Посполитой нет никакой ее вины и ответственности [7, с. 468]. «Многие воспринимали Польшу как изгоя всего славянского мира, а Речь Посполитую — вообще как уникальное и нежизнеспособное явление, — пишет историк, — что снимало с восточного соседа Речи Посполитой всякую вину за ликвидацию польской государственности. Ликвидацию эту воспринимали как дело неизбежное, исторически предопределенное» [7, с. 468].

В свою очередь В. В. Кутявин приводит своё видение главных идей российской полонистики XIX — начала XX века [17; 44—46]. Он отмечает, что в российском обществе полонофобия уже с XIX века становится характерной чертой русской культурной и политической традиции [46, с. 414], поэтому российская историография в своем отношении к польской

тематике выражала разделяемый самыми широкими общественными кругами официальный взгляд на Польшу [46, с. 414].

По мнению В. В. Кутявина, формирование полонофобии произошло под сильнейшим влиянием вооруженных восстаний польского народа [17, с. 145]. Н. В. Пислегин так же считает, что восстания сформировали в России явление полонофобии как реакции на польскую «измену» [21]. Эта особенность российской историографии была замечена еще П. А. Вяземским и В. Ф. Францевым [1], а также в современной российской науке (В. А. Хорев, Л. М. Аржакова). «Не приходится недооценивать тот факт, — пишет Л. М. Аржакова, — что в русском обществе и до Январского восстания, и особенно после его начала крайне сильны были антипольские настроения» [7, с. 252].

Одновременно во многом посредством дихотомии «Россия—Польша» долгое время определялось отношение в России к западной цивилизации, перенося отчасти и на Польшу российский «комплекс неполноценности» перед Западом. В связи с этими обстоятельствами российская историография рассматриваемого периода (или имперского периода, как она еще определяется в современной российской науке) не могла однозначно относиться к Польше и ее истории с позиций колониального превосходства, как это было свойственно для современной ей английской исторической мысли относительно, например, Ирландии или германской — в отношении неполноценности исторического пути Польши [1, с. 229]. Дело обычно не ограничивалось, продолжает Л. М. Аржакова, антитезой: «Польша—Россия» [7, с. 468]. Эти тезисы восходят к идеям, высказанным ранее в польской науке о том, что Польша воплощала не только Запад, но и Восток Европы, а в условиях XIX века «если Европа — это цивилизация политической свободы, то Польша стала центром этой цивилизации в XIX веке» [48, с. 187].

В связи с этим представляет собой интерес исследование, посвященное преломлению в творчестве фундаментальных идей российской исторической полонистики имперского периода Н. Н. Любовича, известного либерального историка, профессора Варшавского университета, основателя историко-филологического факультета Ростовского университета, активного российского общественного деятеля и участника ряда научных объединений.

Некоторые стороны творческого наследия Н. Н. Любовича в области исторической полонистики стали предметом исследования в современной историографии. Т. Т. Кручковский [18; 19; 49; 51] рассматривает вклад Н. Н. Любовича в исследование проблематики Реформации в Польше и ВКЛ в контексте оценочных подходов российской историографии XIX — начала XX века, в том числе проводит сравнение взглядов и подходов Н. Н. Любовича, методы и подходы его коллеги по Варшавскому университету — Н. И. Кареева. А. В. Демидович [52] провел в рамках доказательства социально-экономической подоплеки реформационного движения в Польше анализ работ Н. Н. Любовича по данной тематике. Ряд проблем исторической полонистики Н. Н. Любовича рассматривались также и автором статьи: исследование проблемы Реформации в Польше [49—51; 53; 54], отношений германского мира с Польшей и славянством [55], российско-польских отношений в первой трети XIX века [56]. Однако заявленная проблема статьи в контексте научного наследия Н. Н. Любовича не стала предметом отдельных исследований и в этом плане рассматривается впервые.

Позитивистские методологические установки Н. Н. Любовича проявились, прежде всего, в доминировании экономической сферы в историческом процессе. Проявление этого фактора особенно заметно у Н. Н. Любовича в интерпретации темы исследований (Реформация, экономическое развитие городов Германии, буржуазная революция в Нидерландах), а также методов исследования [57, с. 47].

О либеральных взглядах ученого свидетельствуют материалы его исследований, дружественные контакты с польскими учеными и с тем же Н. И. Кареевым [58]. Данные факты можно проследить в материалах как Н. А. Казаровцевой [59], так и Ю. Ф. Иванова [60]. Они отмечают тот факт, что большинство студентов, как польских, так и русских, как дворян, так и крестьян, сохранили добрую память о Н. Н. Любовиче как о преподавателе либеральных

и прогрессивных общественно-политических взглядов. Тем не менее Н. Н. Любовича нельзя назвать однозначным либералом. Он стремился дистанцироваться от идеологического и культурного конфликта между Российской администрацией и польской общественностью и был крайне осторожен в высказывании своих политических и идеологических ориентиров. Он понимал и стремился трезвым взглядом оценить ситуацию, в которой оказался польский народ. Н. Н. Любовичу, как и Н. И. Карееву, не безразлична была ситуация, в которой оказались простые люди России на рубеже веков [60, с. 89].

Н. Н. Любович в русской историографии известен, прежде всего, как исследователь Реформации в Польше, медиевист. До исследований Н. Н. Любовича в русской историографии серьезных работ по истории Реформации в Польше не было. Его научная работа стала одной из первых и главных исследований в российской науке по истории Реформации в Польше, проведенных с либерально-западнических позиций. Н. Н. Любович приходит к выводу, что все религиозные и духовные движения в каждом конкретном случае опираются на социальные противоречия и борьбу за блага и ценности между различными социальными группами. Исходя из этого вывода, он стал рассматривать европейскую Реформацию, в том числе и ее вариант в польско-литовском государстве, преимущественно с точки зрения экономического фактора как доминирующего. Именно оценочные подходы Н. Н. Любовича в отношении Реформации в Польше стали, согласно нашему мнению, основой ранней советской историографии в этой тематике.

Однако в целом Н. Н. Любович, несмотря на использование значительного материала источников и позитивистские методологические установки, остался в оценке Реформации в Польше на фундаментальных оценочных позициях российской науки. Общим положением для нее было определение отношений в Речи Посполитой между православием и католичеством, унаследованное от историографии первой половины XIX века как постоянного религиозного противостояния. Основали эту традицию еще Н. М. Карамзин и Н. Г. Устрялов, где главным критерием их взглядов было негативное отношение к католичеству [36, с. 207]. Период Реформации, по мнению Н. Н. Любовича (здесь он шел вслед за С. М. Соловьевым [33, с. 77]), был только кратковременным периодом ослабления католической реакции в стране.

В российской историографии имперского периода отношения славянства и германского мира в целом, как и российско-польские отношения, рассматривались исходя из славянофильских идей как борьба двух стихий, цивилизаций [1]. Проблема отношений романо-германской Европы и славянской центрально-восточной Европы как противостояния двух миров, как борьбы германского мира и славянства была актуальна в российской историографии XIX — начала XX века. Об этом писали крупнейшие российские историки имперского периода (Н. М. Карамзин, С. М. Соловьев, В. О. Ключевский, Н. И. Кареев и др.) [1]. Исходя из этого фундаментального положения, Н. Н. Любович рассматривал отношения германского мира и славянства в XIII—XVI веках в славянофильской схеме общего противостояния двух миров (германского мира и славянства, в котором им выделялись как основные участники ордена крестоносцев, Польша и западнорусские земли). Еще в 80-е годы XIX века фактор противостояния германского мира и славянства был отмечен им в ряде работ, посвященных Реформации в Польше и ВКЛ. Известно, что заявленная проблематика также поднималась ученым в его общих курсах по всеобщей истории, читаемых для студентов историко-филологического факультета Варшавского императорского университета.

В оценке проблематики западного цивилизационного влияния посредством католической Польши на западнорусские земли Н. Н. Любович исходил из общего фундаментального положения о борьбе двух стихий, цивилизаций. Так, общим положением для него было определение отношений в Речи Посполитой между православием и католичеством как постоянного религиозного противостояния [49]. В работах, связанных с деятельностью иезуитского ордена на территории Речи Посполитой и ВКЛ, он делал выводы о том, что иезуиты привлекались на территорию Польши ВКЛ не для борьбы с протестантизмом (подобно и вслед за либералом С. М. Соловьевым [33]), а для привлечения в католическую церковь православных

верующих. Такие идеи горячо воспринимались сторонниками западноруссизма, хотя сам Н. Н. Любович стремился максимально нейтрально констатировать данный факт.

В российской историографии второй половины XIX — начала XX века либеральной направленности противостояние германского мира и славянства и ведущая роль в нем Польши виделась подобным образом, хотя и с выделением ряда существенных акцентов (В. О. Ключевский, Н. И. Кареев) [1, с. 180, 187, 201—205]. Наиболее отличительную позицию занимал здесь А. Л. Погодин. Он видел историческую миссию Польши в качестве государства, разделяющего Западную и Восточную Европу и играющего огромную роль в становлении исторической роли России. «И далее, — утверждал ученый, — занимая срединное положение между двумя слагающими силами, западноевропейской и русской монархиями, Польша терпела удары с двух сторон, но, разъединив их на время, она оказала громадную услугу Западной и Восточной Европе».

Н. Н. Любович, согласно фундаментальным положениям, считал, что крестоносцы имели целью своих действий завоевание славянского мира в Центрально-Восточной Европе и Прибалтике. При этом он утверждал, что все действия Ордена, в том числе и против католической Польши, имели заранее определенный план агрессии с привлечением всего германского мира. Он писал: «Тевтонский орден не удовольствовался, однако, тем, что этот князь предоставил ему Кульмскую землю, но выхлопотал себе у императора Фридриха II грамоту, в силу которой все земли, завоеванные Орденом, должны ему принадлежать. Таким образом, Орден шел уже обдуманно: во-первых, создать государство на берегу Балтийского моря, а во-вторых, получить себе самостоятельность и быть независимым от поляков». Ученый неоднократно подчеркивал, что периодически поступали пополнения рыцарей из Германии и других западных земель, отмечая, что Орден, «не порывал связей со Священной Римской Империей». Это положение в целом поддерживалось и в либеральной историографии. Так, А. Л. Погодин указывал, что крестоносцам помогали деньги европейских стран и большое количество рыцарей.

Н. Н. Любович соглашался с мнением российской историографии, что основной целью создания Ордена меченосцев было желание католической церкви и рыцарей укорениться в Прибалтике для завоевания новых территорий и массового крещения местного населения. Это Орденское государство Н. Н. Любович считал немецким, отмечая, что «выстроенный в Мариенбурге замок принадлежал к числу красивейших и обширнейших во всей Германии и вызывал всеобщее восхищение». «И не прошло ста лет, — делал заключение Н. Н. Любович, — как на севере Польши, между Вислою и Неманом, выросло сильное, богатое государство».

Как показывал Н. Н. Любович, в связи с таким усилением Ордена он стал опасен не только для язычников, православных земель, но и для католической Польши: «Серьезная опасность угрожала Польше со стороны нового соседа». Кроме того, Тевтонский орден в 1237 году, писал историк, соединился с Орденом Меченосцев. Следующей, как показывал Н. Н. Любович, в экспансии Ордена стала Польша. Он писал: «Тевтонские рыцари совершенно отрезали Польшу от моря. Даже того доступа к Балтийскому морю, на который поляки могли рассчитывать, благодаря приобретению Поморья с городом Гданьском (Данцигом) в конце XIII века <...> они вскоре окончательно лишились в начале XV века доступа к Балтийскому морю». В данном случае Н. Н. Любович акцентировал польско-германское геополитическое соперничество, отрицая цивилизационное противостояние, так как Польша уже стала, по его мнению, частью германского мира.

Это фундаментальное положение о противостоянии германского мира и славянства в ситуации угрозы Тевтонского ордена интерпретировалось Н. Н. Любовичем в тезис об опасности романо-германского мира для славян, балтов и западнорусских земель, и это было общей позицией российской историографии исследуемого периода независимо от ее направлений [1, с. 219]. Так, Н. И. Кареев утверждал, что немецкий «напор на Восток» и борьба славян с германизмом составляют одну из важных сторон средневековой и новой их истории.

Однако Н. Н. Любович поднял проблему не только завоеваний Ордена, но и немецкого цивилизационного влияния на восток от Лабы, весьма противоречиво решаемую в российской историографии того периода [1, с. 153, 156, 178, 185]. Хотя интерпретация этой проблемы у Н. Н. Любовича была довольно ограниченной и близкой к славянофильским идеям: военно-политическая борьба и подавляющее немецкое цивилизационное влияние. В наиболее концентрированном виде оценочные позиции о немецком влиянии в Польше представил М. Ф. Владимирский-Буданов в работе, специально посвященной этой проблеме, откуда, как видно из текста его статьи, были взяты Н. Н. Любовичем аргументы. Однако историк использовал только часть аргументации М. Ф. Владимирского-Буданова, относящуюся к негативным моментам немецкого влияния в Польше, в то время как российская историография либеральной направленности подчеркивала неоднозначность немецкого влияния на Польшу, которое, с одной стороны, способствовало экономическому и правовому прогрессу, а с другой — деградации политического строя [1, с. 203].

Положения и аргументы Н. Н. Любовича в данном вопросе в основном укладываются в схему фундаментальных положений российской консервативной историографии славянофильской направленности имперского периода. Однако и в этом случае историк допускал исключения. Так, Н. Н. Любович, описывая насильственный характер проникновения в Прибалтику, признавал огромные цивилизационные успехи Ордена. В представлении путей и механизмов следования германского влияния на земли Прибалтики и Польши Н. Н. Любович следовал за С. М. Соловьевым. Однако в сносках Н. Н. Любовича на используемую научную литературу по данному вопросу труды С. М. Соловьева отсутствуют. Н. Н. Любович по вопросу немецкой колонизации в Польше ссылался на немецкую и польскую историографию.

Опираясь на исследования польских историков (А. Прохаска, С. Соколовски, С. Коморницки, С. Кутшеба), Н. Н. Любович представил положение польских городов и торговли в контексте влияния немецкого элемента. При этом у Н. Н. Любовича отсутствовали ссылки на работы российских историков, затрагивающие в той или иной степени эти вопросы. Отношение в российской историографии к Магдебургскому праву в Центрально-Восточной Европе было весьма противоречивым. Известно, например, что наиболее крупный и известный российский либеральный историк начала XX века В. О. Ключевский выступал с позиций негативного влияния Магдебургского права на города Польши и ВКЛ, в том числе и на православных землях княжества [1, с. 174], в то время как Ф. М. Уманец (консервативно настроенный историк-славянофил, сторонник социального дарвинизма) признавал введение Магдебургского права в городах Польши и ВКЛ одной из основ политического и культурного могущества Речи Посполитой, политической и религиозной свободы [1, с. 117].

В результате стечения всех этих факторов, по утверждению Н. Н. Любовича, Польша к концу XIV века уже попала под влияние германского мира. «Немцы играли в ней, — писал российский историк, — очень видную и важную роль, и она была пропитана немецкой культурой» [60, с. 18]. Итог этих заключений Н. Н. Любовича однозначен: «Все это ясно показывает, в какой громадной зависимости находились поляки и от немцев, и от их культуры» [60, с. 18]. «У Польши не было тогда достаточного количества собственных культурных сил, — продолжал свое заключение российский ученый, — чтобы освободиться от немецкого влияния» [60, с. 18].

Эти оценочные позиции либерального историка Н. Н. Любовича значительно ближе к славянофильским идеям, чем либерально-западническим взглядам. Так, по утверждению известного сторонника славянофильских идей И. П. Филевича, немецкое влияние привело к перерождению славянского организма поляков. «В результате Польша не стала Германией, но свое собственное, кроме языка, понемногу растеряла, или оно приняло в своем развитии такие уродливые формы, что под ними уже не узнать первоначальной основы» [51, с. 29].

В то время как сторонники либерально-западнической ориентации сумели отказаться в данном вопросе от фундаментальных положений российской консервативной историографии, подчеркивая сохранение Польшей, несмотря на романо-германское влияние, оригиналь-

ных славянских черт (Н. И. Кареев, А. Л. Погодин) [1, с. 122]. Так, М. К. Любавский утверждал, что поляки сохранили свои славянские черты: «К счастью, польская народность оказалась достаточно сильной, чтобы ассимилировать, претворить в себе инородные элементы, и в Польше славяне не утонули в немецком море, а наоборот — немцы в польском» [52, с. 16].

Однако в целом в отношении германского мира и Польши Н. Н. Любавич придерживался характерной для российской историографии оценки этих отношений, которая была дана С. М. Соловьевым: «Между ними сложилась застарелая ненависть, которая изначала существовала между Польшей и Немецким Севером». Исходя из такого подхода в качестве одной из особенностей польской истории средневекового периода в либерально-западнической историографии (В. О. Ключевский и Н. И. Кареев вслед за С. М. Соловьевым) отмечалась особая острота отношений с германским миром. Эти отношения рассматривались как с точки зрения цивилизационного влияния, так и польско-германского геополитического соперничества [34].

Важным эпизодом польско-германского противостояния Н. Н. Любавич считал период Реформации в Польше и Пруссии, находящейся в то время в вассальной зависимости от польского короля. Альбрехт, бывший в то время герцогом Прусским, используя Реформации в Польше, считал Н. Н. Любавич, попытался освободиться от вассальной зависимости от польского короля Сигизмунда Августа и объединить свои владения в Пруссии и Бранденбурге.

Согласно мнению Н. Н. Любавича, провалу планов герцога Прусского Альбрехта онемечивания польского и литовского духовенства содействовало несколько факторов. Первым из них русский историк называл старую враждебность между немцами и поляками, которая перенеслась так же на польский и немецкий протестантизм. Противником этой политики, отмечал Н. Н. Любавич, выступила и католическая церковь Польши во главе с кардиналом Гозием. Особую роль кардинала Гозия польской католической церкви Н. Н. Любавич подчеркивал вслед за П. Н. Жуковичем, своим коллегой по изучению истории Реформации в Польше [55].

Как видим, Н. Н. Любавич вслед за славянофильской традицией подчеркивал существование польско-немецкого антагонизма, однако, придерживаясь либерально-западнической традиции, называл его нецивилизационным, а военно-политическим противостоянием. Вместе с тем Н. Н. Любавич вполне в духе российской консервативной историографии славянофильской направленности (как и С. М. Соловьев) объяснял такое положение тем обстоятельством, что Польша к этому времени уже попала под влияние германского мира. Для подтверждения этого положения Н. Н. Любавич приводил факты немецкого господства в польских городах, немецкой сельской колонизации на польских землях, господства немецкого купечества в польской торговле [58, с. 19]. Все эти доводы должны были подтвердить главную идею историка: «Ни до Грюнвальда, ни после него культура Польши не была оплотом славянства против германизации» [58, с. 20]. Отсутствие же в Польше славянского самосознания Н. Н. Любавич объяснял, как уже отмечалось автором, господствующим влиянием немецкой культуры и принятием католицизма. Эти аргументы были классическими положениями в этом вопросе российской консервативной историографии славянофильской направленности и, как видим, приняты либералом-позитивистом Н. Н. Любавичем «...Польша ...не только не старалась оградить себя от воздействия `немецкой культуры, но, напротив, охотно проникалась ею» [58, с. 18].

В отношении общественно-государственного устройства шляхетской Польши, а затем и федеративной Речи Посполитой Н. Н. Любавич отдельных исследований не проводил. Однако имеется ряд его косвенных оценок этого общественно-государственного устройства. Так, Н. Н. Любавич выразил положительное отношение Пруссии в целом и различных категорий населения в частности по вопросу присоединения к Польше: «Управление в ней сулило, по-видимому, будущее более счастливое по сравнению с тем, что было под управлением Тевтонских рыцарей». Более того, по утверждению историка, после присоединения к Польше на этой территории сохранялось общественное устройство и социально-экономические и юридические права населения: «Переход под владычество Польши, которая сохранила населению Западной Пруссии все его права, привилегии, полную обособленность и самостоятельность» [58, с. 16].

Важно отметить, что Н. Н. Любович, представив столь умиротворенную картину присоединения и сосуществования немецкого Ордена с Польшей, совершенно обошел стороной вопрос о том, как это могло произойти в условиях борьбы германского мира и славянства (в первую очередь в лице Польши), а также (по его же мнению) полной зависимости Польши от романо-немецкой цивилизации. Не только ответа на этот вопрос, но и обсуждения вариантов ответа на него Н. Н. Любович не давал.

В современной Н. Н. Любовичу российской историографии имеется ответ на данный вопрос, близкий к оценочным позициям современной историографии. «Притягательность духа свободы, высокий уровень политической и религиозной свободы, — утверждал русский историк Ф. М. Уманец, — также способствовали присоединению к польскому королевству Пруссии и Ливонии» [60, с. 74]. Основой политического и культурного могущества Речи Посполитой Ф. М. Уманец, вопреки традиции современной ему русской историографии, считал политическую и религиозную свободу, основанную на шляхетском общественно-государственном устройстве» [40, с. 51]. Такая постановка вопроса о польской политической свободе как основе добровольного присоединения ВКЛ, Пруссии и Ливонии к Польше Ф. М. Уманца весьма редка в русской историографии и ближе всех в своих оценках к современной польской историографии (Ю. Бардах, Я. Мацишевски, Е. Охманьски, Х. Виснер и др.). Эти оценки Ф. М. Уманца были не только новыми для русской историографии его времени, но и впоследствии часть из них была принята в русской либеральной историографии конца XIX — начала XX века [40, с. 52]. Однако Н. Н. Любович (в отличие от Н. И. Кареева, А. Л. Погодина [1, с. 228]) в отношении проблематики отношений романо-германского мира и западного и восточного славянства этих новых идей не воспринял.

Эти оценочные позиции Н. Н. Любовича самым тесным образом примыкают к его оценкам основного тезиса фундаментальных положений российской науки об отношениях католической прозападной Польши и православных западнорусских земель в ее составе. Следует отметить, что проблематика истории ВКЛ, а точнее, ее западнорусских земель (современных территорий Украины, Беларуси) не была приоритетной темой научного наследия Н. Н. Любовича, хотя как исследователь всеобщей истории в общем и историк-полонист и славист в частности он по различным причинно-следственным обстоятельствам должен был их затрагивать. Ученый в изучении тематики истории ВКЛ и ее западнорусских земель ограничился несколькими проблемами: он дал в общих чертах свою ценностную характеристику состояния западнорусских земель в составе польско-литовской государственности, в первую очередь в отношении национально-конфессионального вопроса [59], проблеме влияния Реформации на православные земли ВКЛ [58—60], а также небольшому частному вопросу — отношений Подолии как части Речи Посполитой с Молдавией в XVI веке [60].

При этом в исследовании истории западнорусских земель в составе польско-литовской государственности в XVI веке Н. Н. Любович основывался как на российских и польских источниковых исследованиях, так и на собственных, работая над поиском документов в архивах Москвы, Петербурга, Варшавы, а также впервые для российской историографии в архивах Ватикана. Ученый подчеркивал, что «без изучения этого архива многие вопросы истории западнорусских земель останутся навсегда темными, так как ключ к их решению находится только там» [60, с. 1].

Н. Н. Любович вполне в традиции консервативно-националистической историографии рассматривал конфессиональную политику польских королей как католическую экспансию на западнорусские православные земли ВКЛ [60, с. 20]. По его мнению, католическая экспансия была постоянным явлением в ВКЛ, и рассматривал ее на примере Подолии [59, с. 2—3]. Н. Н. Любович представлял конечную цель и методы деятельности польской стороны следующим образом: «Только искоренивши православие, окатоличивши несколько население, возможно было рассчитывать на некоторое примирение его с чужим владычеством» [60, с. 14]. Н. Н. Любович, как вся российская консервативно-националистическая историография, да и часть либеральной (С. М. Соловьев, В. И. Герье), применяя двойные стандарты, не различал

понятий правового равенства церквей и равенства в своих правах лиц, исповедующих различные религии.

Из выделенных фундаментальных идей российской исторической полонистики исследуемого периода в отношении изучаемой Н. Н. Любовичем проблематики истории ВКЛ и ее западнорусских земель (территории современных Беларуси и Украины) — положение о сугубо отрицательной роли католичества в истории Польши; о том, что западнорусские земли признавались только частью единой православной России и не могли интегрироваться с Польшей в составе Речи Посполитой или существовать в качестве самостоятельных государственных образований [1, с. 220].

Заключение. Н. Н. Любович сохранил в своих оценочных позициях ряд фундаментальных положений российской консервативной историографии. Его оценочные позиции в комплексе проблем этой тематики весьма разнообразны и порой противоречивы. При этом в выработке своих оценок российский ученый опирался на широкий спектр научной литературы и источников, в том числе польских и немецких.

В отношении Реформации Н. Н. Любович пришел к выводу, что все религиозные и духовные движения в каждом конкретном случае опираются на социальные противоречия и борьбу за блага и ценности между различными социальными группами. Исходя из этого вывода, он стал рассматривать европейскую Реформацию, в том числе и ее вариант в польско-литовском государстве, преимущественно с точки зрения экономического фактора как доминирующего, в отличие от основополагающих идей российской консервативной историографии, считавшей Реформацию в Польше и других славянских странах как попытку перехода в православие.

В интерпретации характера противостояния германского мира и славянства (в том числе и Польши) он занял компромиссную позицию доктринам (как и С. М. Соловьев) российской консервативной историографии славянофильской направленности имперского периода и либеральной западнической историографии.

В оценке проблемы западного цивилизационного влияния посредством католической Польши на западнорусские земли Н. Н. Любович исходил из общего фундаментального положения о борьбе двух стихий, цивилизаций. Исследование заявленной проблематики в российской историографии в общем и у Н. Н. Любовича в частности опиралось на общих подходах российской науки к исторической полонистике.

Общий подход Н. Н. Любовича к истории западнорусских земель в составе польско-литовской государственности определялся не только его либеральными взглядами, но в первую очередь консервативно-националистическими оценочными подходами и явной полонофобией. В отношении истории западнорусских земель в составе Речи Посполитой Н. Н. Любович, подобно С. М. Соловьеву, принял фундаментальные положения российской консервативной историографии славянофильской направленности.

Список цитируемых источников

1. Кручковский, Т. Т. Польская проблематика в русской историографии II пол. XIX века / Т. Т. Кручковский. — Гродна, 1994. — 198 с.
2. Кручковский, Т. Т. Польско-германское противостояние X—XVI веков в оценке русской либеральной историографии второй половины XIX — начале XX века (на примере С. М. Соловьева, В. О. Ключевского, Н. И. Кареева) / Т. Т. Кручковский // ИАВБ. — 2015. — № 2. — С. 53—59.
3. Аржакова, Л. М. Российская историческая полонистика и польский вопрос в XIX веке / Л. М. Аржакова. — СПб. : Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2010. — 343 с.
4. Аржакова, Л. М. Польский вопрос и его преломление в российской исторической полонистике XIX века / Л. М. Аржакова. — СПб. : Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2014. — 543 с.

5. Гагуа, Р. Б. Грюнвальд в источниках: «Хроника конфликта Владислава, короля Польши, с крестоносцами в год Христов 1410» / Р. Б. Гагуа. — Пинск : ПолесГУ, 2009. — 208 с.
6. Гагуа, Р. Б. Грюнвальдская битва в отечественной и зарубежной историографии / Р. Б. Гагуа // Беларус. думка. — 2010. — № 8. — С. 58—67.
7. Гагуа, Р. Б. Российская и белорусская историография сражения при Грюнвальде / Р. Б. Гагуа // Весн. Гродз. дзярж. ун-та імя Я. Купалы. Сер. 1 : «Гуманітарныя навукі». — 2003. — № 2 (20). — С. 15—22.
8. Лаптева, Л. П. История славяноведения в России в XIX веке / Л. П. Лаптева. — М. : Индрик, 2005. — 848 с.
9. Лаптева, Л. П. История славяноведения в России в конце XIX — первой трети XX в. / Л. П. Лаптева. — М. : Индрик, 2012. — 840 с.
10. *Włachowska, K.* Narodziny Imperium: Rozwój terytorialny państwa carów w ujęciu historyków rosyjskich XVIII i XIX wieku / K. Włachowska. — Warszawa : Wydawnictwo Neriton, 2001. — 350 s.
11. *Włachowska, K.* Wiele historii jednego państwa. Obraz dziejów Wielkiego księstwa Litewskiego do 1569 roku w ujęciu historyków polskich, rosyjskich, ukraińskich, litewskich i białoruskich w XIX wieku / K. Włachowska. — Warszawa : Wydawnictwo Neriton, 2009. — 410 s.
12. Любавич, Н. Н. Грюнвальдская битва и ее историческое значение / Н. Н. Любавич. — Варшава, 1911. — 21 с.
13. Любавич, Н. Н. Альбрехт герцог Прусский и реформация в Польше / Н. Н. Любавич // ЖМНП. — 1885. — Ч. ССХІІ. — С. 173—220.
14. Любавич, Н. Н. История реформационного движения в Польше. Кальвинисты и антиринитарианцы / Н. Н. Любавич. — Варшава : Тип. Земкеевича и Новаковского, 1883. — 376 с.
15. Любавич, Н. Н. К истории иезуитов в литовско-русских землях в XVI веке / Н. Н. Любавич. — Варшава : Тип. К. Ковалевского, 1888. — 28 с.
16. Любавич, Н. Н. Начало католической реакции и упадок реформации в Польше / Н. Н. Любавич. — Варшава : Тип. К. Ковалевского, 1890. — 400 с.
17. Кручковский, Т. Т. История Польши в основных концепциях русской историографии XIX — начала XX века : монография / Т. Т. Кручковский. — Гродно : ГрГУ, 2016. — 383 с.
18. Кручковский, Т. Т. Цивилизационный выбор Польши в оценке русской исторической мысли конца XVIII — начала XX в. / Т. Т. Кручковский // Весн. Гродз. дзярж. ун-та імя Я. Купалы. Сер. 1 : «Гісторыя. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія». — 2006. — № 3 (39). — С. 24—31.
19. Барбашев, А. И. Танненбергская битва / А. И. Барбашев // Журн. М-ва нар. просвещения. — 1887. — Т. 154, № 12. — С. 151—193.
20. Коялович, М. О. Грюнвальдская битва 1410 года / М. О. Коялович. — СПб., 1885. — 20 с.
21. Барбашев, А. И. Витовт и его политика до Грюнвальдской битвы / А. И. Барбашев. — СПб., 1886.
22. Барбашев, А. И. Витовт. Последние двадцать пять лет княжения (1410—1430) / А. И. Барбашев. — СПб., 1891.
23. Довгялло, Д. И. Битва при Грюнвальде 15 июля 1410 г. / Д. И. Довгялло. — Вильна, 1909.
24. Гейсман, П. А. Польско-литовско-русский поход в Восточную Пруссию / П. А. Гейсман // Воен. сб. — 1910. — № 7. — С. 14—20.
25. Якубский, В. А. Фундаментальные идеи российской полонистики XIX в. / В. А. Якубский // Проблемы социальной истории и культуры средних веков и раннего нового времени. — СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2000. — Вып. 2. — С. 3—15.
26. Кручковский, Т. Т. Фундаментальные идеи и специфические черты русской исторической полонистики XIX — начала XX веков: историографический обзор / Т. Т. Кручковский // Идеол. аспекты воен. безопасности. — 2016. — № 2 (25). — С. 29—37.
27. Кручковский, Т. Т. История Польши в концепциях российской историографии XIX — начала XX века : дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.09 — Историография, источниковедение и методы исторического исследования / Т. Т. Кручковский. — Минск, 2017. — 338 л.
28. Кручковский, Т. Т. Фундаментальные идеи русской либеральной полонистики второй половины XIX — начала XX вв. / Т. Т. Кручковский // Беларусь у кантэксце еўрапейскай гісторыі : зб. навук. арт. / А. А. Каваленя (гал. рэд.). — Гродна : ГрДУ, 2019. — Ч. 1. — С. 45—48.
29. Нечухрин, А. Н. Теоретико-методологические основы российской позитивистской историографии (80-е гг. XIX — 1917 г.) / А. Н. Нечухрин. — Гродно : ГрГУ, 2003. — 349 с.
30. Хмылёв, Л. Н. Проблемы методологии истории в русской буржуазной историографии конца XIX — начала XX в. / Л. Н. Хмылёв. — Томск : Изд-во ТГУ, 1978. — 172 с.
31. Могильницкий, Б. Г. Политические и методологические идеи русской либеральной историографии середины 70-х гг. XIX в. — начала 1900-х годов / Б. Г. Могильницкий. — Томск, 1969. — 408 с.
32. Мягков, Г. П. Русская историческая школа. Методические и идейно-политические позиции / Г. П. Мягков. — Казань : Изд-во Каз. ун-та, 1988. — 218 с.
33. Шкуринов, П. С. Позитивизм в России XIX века / П. С. Шкуринов. — М. : Наука, 1980. — 416 с.
34. Казарова, Н. А. Историк Н. Н. Любавич к 160-летию со дня рождения [Электронный ресурс] / Н. А. Казарова // Киберленинка. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/istorik-n-n-lyubovich-k-160-letiyu-sodnya-rozhdeniya>. — Дата доступа: 19.02.2018.

35. *Иванов, Ю. Ф.* Научная деятельность Н. Н. Любовича / Ю. Ф. Иванов // Совет. славяноведение. — 1980. — № 4. — С. 82—93.
36. *Кареев, Н. И.* Прожитое и пережитое / Н. И. Кареев. — Л. : Изд-во ЛГУ, 1990. — 384 с.
37. *Кручковский, Т. Т.* История Польши в исторической концепции С. М. Соловьева / Т. Т. Кручковский // Весн. ГрДУ. — 2015. — № 3. — С. 67—85.
38. *Попазова, А. М.* Изучение деятельности ордена иезуитов XVI в. на территории восточнославянского региона в последней трети XVI — начале XVII вв.: исследования российских чиновников [Электронный ресурс] / А. М. Попазова // Киберленинка. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/materialnoe-obespechenie-kollegiy-ordena-iezuitov-v-vostochnoslavjanskom-regione>. — Дата доступа: 09.09.2018.
39. *Лаптева, Л. П.* Русский историк Н. И. Кареев и его взаимоотношения с политическими режимами / Л. П. Лаптева // Проблемы славяноведения : сб. науч. ст. — Брянск, 2000. — Вып. 2. — С. 88—95.
40. *Котусев, Е. Н.* Оценки реформации в Польше в русской историографии XIX — начала XX века (на примере оценочных подходов Н. Н. Любовича и Н. И. Кареева) / Е. Н. Котусев, Т. Т. Кручковский // ИАВБ. — 2019. — № 1 (29). — С. 49—55.
41. *Хомяков, А. С.* Полное собрание сочинений : в 8 т. / А. С. Хомяков. — М., 1900. — Т. 5.
42. *Соловьев, С. М.* Сочинения : в 18 кн. / С. М. Соловьев. — М. : Мысль, 1991. — Кн. 9. : История России с древнейших времен. — Т. 17—18. — 701 с.
43. *Погодин, А. Л.* Очерк истории Польши / А. Л. Погодин. — М. : Тип. К. Л. Миньшова, 1909. — 132 с.
44. *Соловьев, С. М.* Сочинения : в 18 кн. / С. М. Соловьев / отв. ред.: И. Д. Ковальченко, С. С. Дмитриев. — М. : Мысль, 1988. — Кн. 2. : История России с древнейших времен. — Т. 3—4. — 765 с.
45. *Полевой, Н. А.* История русского народа / Н. А. Полевой. — М., 1833. — Т. 4. — 465 с.
46. *Кареев, Н. И.* Общий ход всемирной истории. Очерки главнейших исторических эпох / Н. И. Кареев. — СПб. : Брокгауз-Ефрон, 1903. — 382 с.
47. *Ключевский, В. О.* Сочинения. Курс русской истории : в 9 т. / В. О. Ключевский. — М., 1988. — Т. 2. — 447 с.
48. *Владимирский-Буданов, В. М.* Немецкое право в Польше и Литве / В. М. Владимирский-Буданов. — СПб. : Печатня В. Головина, 1868. — 302 с.
49. *Соловьев, С. М.* История падения Польши / С. М. Соловьев. — М. : Тип. Грачева и компании, 1863. — 369 с.
50. *Prochaska, A.* Król Władysław Jagiełło / A. Prochaska. — 1908. — 414 s.
51. *Филевич, И. П.* Польша и польский вопрос / И. П. Филевич. — М., 1894. — 104 с.
52. *Любавский, М. К.* Исторические судьбы славянства / М. К. Любавский. — М., 1915. — 27 с.
53. *Кареев, Н. И.* Падения Польши в исторической литературе / Н. И. Кареев. — М., 1888. — 413 с.
54. *Кареев, Н. И.* Общий ход всемирной истории. Очерки главнейших исторических эпох / Н. И. Кареев. — СПб. : Брокгауз-Ефрон, 1903. — 382 с.
55. *Иловайский, Д. И.* История России / Д. И. Иловайский. — М., 1896. — Т. 2.
56. *Полевой, Н. А.* История русского народа / Н. А. Полевой. — М. : Тип. Августа Семена при Императ. Мед.-Хирург. Акад., 1833. — Т. 5. — 687 с.
57. *Кареев, Н. И.* История Западной Европы в Новое время / Н. И. Кареев. — СПб., 1904. — Т. 1. — 421 с.
58. *Уманец, Ф. М.* Вырождение Польши / Ф. М. Уманец. — СПб. : Тип. М. А. Хана, 1872. — 341 с.
59. *Кручковский, Т. Т.* Уманец Ф. М. как историк Речи Посполитой / Т. Т. Кручковский // Весн. ГрДУ. — 2007. — № 2. — С. 47—53.
60. *Жукович, П. Н.* Кардинал Гозий и польская церковь его времени / П. Н. Жукович. — СПб., 1882. — 557 с.

Поступила в редакцию 22.07.2021.